

Любовь / рассказ

Category: Kitarcy

написано kitarcy | 24 января, 2025

Любовь / рассказ ЛЮБОВЬ

Три странички из воспоминаний охотника

В отделе происшествий одной газеты я только что прочел о любовной драме. Он убил ее, потом покончил с собой – значит, он любил. Кто он, кто она, не все ли равно? Для меня важна только их любовь – не потому, чтобы она умилила, поразила, тронула меня или заставила призадуматься, – нет, она напомнила мне об одном странном охотничьем эпизоде времен моей юности, где мне явилась Любовь, как первым христианам являлся на небе крест.

Я родился со всеми инстинктами и чувствами первобытного человека, впоследствии обузданными воспитанием и рассудком. Охоту я люблю страстно, и при виде окровавленной птицы, крови на перьях и у меня на руках я теряю власть над собой.

В том году, к концу осени, внезапно наступили холода, и один из моих кузенов, Карл де Ровиль, пригласил меня к себе пострелять на рассвете уток и болотах.

Мой кузен, сорокалетний рыжий молодец, бородатый силач, помещик, сельский житель, радушный, жизнерадостный полудикарь, обладал тем галльским остроумием, которое даже посредственность делает приятной; дом его, полубарский, полукрестьянский, стоял в широкой долине, где протекала речка. Холмистые ее берега были покрыты лесами – вековыми, феодальными лесами, в которых сохранились великолепные деревья и самые редкие породы дичи, какая только водится в этой полосе Франции. Здесь порой подстреливали орлов; а перелетные птицы, не часто посещающие наши слишком людные края, почти всегда спускались в эту вековую чашу; там они, казалось, знавали или узнавали укромные уголки, которые издавна служили им приютом на время короткого ночного отдыха.

В долине были большие разгороженные пастбища, которые

орошались водой из реки, расчищенной до этого места; немного подальше она разливалась, образуя большое болото. Оно было великолепным угощем для охоты, лучшим из всех мне известных, и предметом усердных забот моего кузена, который содержал его словно парк. От густых зарослей тростника оно было живым, зыбким, шелестящим, и плоскодонные лодки, подталкиваемые шестами, проходили узкими протоками, бесшумно скользили по стоячей воде, задевая тростник, разгоняли юрких рыбок, прятавшихся между трав, и вспугивали водяных курочек, черные остроконечные головки которых внезапно исчезали под водой.

Воду я люблю бурной любовью: люблю море, хотя оно слишком большое, беспокойное, непокорное; люблю реки, они красивы, но они несутся мимо, они текут, убегают; и особенно люблю я болота, где трепещет неведомая нам жизнь подводных существ. Болото – это целый мир на земле; здесь свое особое бытие, свои оседлые и странствующие обитатели, свои голоса и шорохи, а главное – своя тайна. Ничто так не волнует, не тревожит и не пугает порой, как болото. Откуда этот страх, витающий над низинами, покрытыми водой? Порождает ли его смутный шорох тростника, призрачные блуждающие огни, глубокое безмолвие, царящее там в тихие ночи, или причудливый туман, словно саван обволакивающий камыш, или, быть может, неуловимый плеск, нежный и легкий, который порой страшит больше, чем грохот пушек и небесный гром, и превращает болота в сказочную, опасную страну, таящую грозную неведомую загадку.

Нет. Другая, более глубокая, более значительная тайна скрыта в густых туманах, быть может, тайна мироздания! Разве не в стоячей, тинистой воде, не в сырой земле, не просыхающей от солнечного жара, зашевелился, затрепетал и увидел свет первый зародыш жизни?

Я приехал к кузену вечером. Мороз стоял трескучий.

В огромной столовой буфеты, стены, потолок были украшены чучелами ястребов, сов, козодоев, бородачей, сарычей, цапель, соколов, кречетов, висевших с распростертыми крыльями или же сидевших на ветках, которые были прибиты гвоздями; за обедом кузен мой, одетый в куртку из тюленьей шкуры и сам

напоминавший какое-то диковинное животное полярных стран, рассказал мне о своих планах на сегодняшнюю ночь.

Мы должны были выехать в половине четвертого утра, чтобы около половины пятого быть на месте, выбранном для засады. Здесь сложили домик из ледяных глыб, чтобы нам было где укрыться от жестокого предутреннего ветра, того студеного ветра, который режет кожу, словно пилами, рассекает ее, как ножом, колет, словно отравленными стрелами, раздирает, точно калеными клещами, и жжет, как огонь.

Кузен потирал руки.

– Небывалый мороз, – говорил он, – в шесть часов вечера было уже двенадцать градусов ниже нуля!

Тотчас же после обеда я лег и уснул, согретый огнем, который пылал в камине.

Меня разбудили ровно в три. Я закутался в бараний тулуп, а кузен Карл облачился в медвежью шубу. Мы наскоро проглотили по две чашки горячего кофе, запили двумя рюмками коньяка и отправились в путь, сопровождаемые егерем и двумя собаками: Плонжоном и Пьеро.

С первых же шагов мороз прохватил меня до самых костей. Это была одна из тех ночей, когда кажется, что вся жизнь замерла от холода. Морозный воздух становится плотным, осязаемым и даже причиняет боль; он не колеблется, он застыл, он неподвижен; он жалит, он пронизывает насквозь, убивает деревья, растения, насекомых и даже мелких птичек, которые падают с веток на окаменелую землю и тотчас каменеют сами.

Луна была на ущербе; склонясь набок и побледнев, она, казалось, угасала в пространстве и, обессилев, не могла уйти, – осталась там наверху, тоже скованная суровым холодом небес. Она скупо лила на землю тот печальный, тусклый, слабый свет, которым дарит нас каждый раз перед новолунием.

Мы с Карлом шли рядом, пригнувшись, спрятав руки в карманы, а ружья держали под мышкой. Чтобы ноги не скользили по замерзшей реке, мы обернули обувь шерстью и двигались бесшумно; я глядел на белый пар, который клубился от дыхания наших собак.

Вскоре мы очутились на краю болота и пошли по узкой тропинке, тянувшейся через низкорослый лес сухого тростника.

Мы задевали локтями длинные, точно ленты, листья, нам вослед раздавался легкий шорох, и мною овладело сильнее, чем когда-либо, то странное, глубокое волнение, которое охватывает меня при виде болота. Теперь оно умерло, застыло, ведь мы шли по нему среди сухих зарослей камыша.

И вдруг на повороте одной из тропинок я увидел ледяной домик, построенный для нас, чтобы мы могли укрыться. Нам предстояло больше часа ждать пробуждения перелетных птиц, поэтому я вошел туда и, чтобы немного отогреться, завернулся в одеяло.

Лежа на спине, я принялся разглядывать луну, которая сквозь слабо просвечивающие стены полярного домика казалась кривой и четырехрогой.

Но холод замерзшего болота, холод, исходивший от стен, холод, излучаемый небесным сводом, пронизывал меня насквозь; я начал кашлять. Кузен Карл заволновался:

– Не беда, если мы сегодня настреляем мало дичи, лишь бы ты не простудился; сейчас разведем костер.

И он приказал егерю нарезать тростника.

Посреди домика сложили кучей тростник, в потолке было сделано отверстие для дыма; и когда поднялись яркие языки пламени, сверкающие, кристальные стены начали медленно, чуть заметно таять, – казалось, что ледяные камни запотели. Карл был снаружи, он крикнул мне:

– Иди сюда, посмотри!

Я вышел и остановился, изумленный. Наш конусообразный дом казался гигантским алмазом с огненной сердцевиной, внезапно выросшим на льду болота. Внутри виднелись две фантастические фигуры: это были наши собаки, гревшиеся у огня.

Вдруг где-то в вышине прозвучал тревожный, дальний крик блуждающей стаи. Пламя нашего костра разбудило дичь. Ничто так не волнует меня, как этот первый зов невидимого существа: быстро несется он издалека в полной тьме, пока еще не забрезжил на горизонте первый свет зимнего дня. Мне чудится, что этот отдаленный призыв, занесенный к нам на крыльях птицы в студеной предрассветный час, – вздох души мира!

Карл сказал:

– Погасите костер. Солнце восходит.

Действительно, небо начало бледнеть, и стаи уток потянулись длинными пятнами, быстро таявшими на небесном своде.

В темноте вспыхнул свет: то выстрелил Карл, и наши собаки устремились вперед.

Теперь каждую минуту то он, то я поспешно нацеливались, как только над камышами появлялась тень пролетающей стаи. А Пьеро и Плонжон, запыхавшись, весело носили нам окровавленных птиц, которые иногда смотрели на нас еще живыми глазами.

Занимался ясный, безоблачный день; солнце вставало на другом конце долины; мы уже собирались домой, как вдруг две птицы, вытянув шею, расправив крылья, неожиданно пролетели у нас над головой. Я выстрелил. Одна из них упала почти у самых моих ног. Это был чирок с серебристым брюшком. И вдруг где-то в пространстве надо мной я услышал крик, крик птицы. Несколько раз повторила она свою краткую горестную жалобу; маленькая птичка, помилованная судьбой, кружила над ними в синеве неба, не спуская глаз с мертвой подруги, которую я держал в руках.

Карл, стоя на коленях, нацелившись, горящими глазами подстерегал птицу, ждал, чтобы та приблизилась.

– Ты убил самку, – сказал он, – самец теперь не уйдет.

И правда, он не улетал: он все кружил над нами и плакал. Никогда еще стон так не надрывал мне душу, как этот безутешный призыв, этот скорбный укор бедной птицы, затерявшейся в пространстве.

Боясь охотника, следившего за его полетом, чирок отлетал; казалось, он был готов одиноко продолжать свой путь в поднебесье. Но не мог решиться и снова возвращался за своей самкой.

– Положи ее на землю, – сказал мне Карл. – Он сейчас же подлетит.

И он подлетел, презирая опасность, ослепленный любовью, любовью одного живого существа к другому, убитому мной.

Карл выстрелил; казалось, оборвалась нить, на которой держалась птица. Промелькнул и упал какой-то черный комок, в камышах зашуршало. И Пьеро принес мне птицу.

Я положил их обеих, уже остывших, в ягдташ... и в тот же день уехал в Париж.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 7 декабря 1886 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП
«Аурика», 1994

Перевод А. Ясной.